

Федеральное агентство научных организаций

Карельский научный центр
Российской академии наук

**Роль науки в решении проблем
региона и страны:
фундаментальные и прикладные исследования**

*Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
посвященной 70-летию КарНЦ РАН
(24–27 мая 2016 года)*

Петрозаводск
2016

СЕМАНТИКА ОДЕЖДЫ ПЕРЕХОДНЫХ СОСТОЯНИЙ У КАРЕЛ: ПОГРЕБЕНИЕ, СВАДЬБА, СВЯТОЧНОЕ РЯЖЕНИЕ⁹

А. П. Конкка

Институт языка, литературы и истории, г. Петрозаводск, e-mail: aleksikonkka@hotmail.com

Тематика данного доклада относится к области традиционной обрядовой одежды в Карелии. С точки зрения исследования ритуалов важные значения имеют такие особенности одежды, как материал, форма, цвет, орнаментика и использование в быту. Кроме того, существуют определенные функции одежды и ее семиотика в структуре самого ритуала.

Карельская погребальная одежда. В Карелии до последнего времени сохранялась память о специальной "смертной одежде" (*kuolinvoate*), которую в Беломорской Карелии девушки могли сшить себе еще до свадьбы. Забота о том, чтобы в момент смерти (в том числе внезапной) положенная по обряду погребальная одежда была готова, была одной из причин такой традиции. Судя по материалам разного времени из других местностей Карелии, комплекс погребального костюма был в общих чертах един. По материалам С. Паулахарью, женщинам надевали рубаху, широкий глухой сарафан *костыч*, на ноги чулки и кеньги, рукавицы на руки и сороку на голову. Рубаху и костыч делали раньше из домотканого белого льна. Мужчинам надевали вниз рубаху и холщевые порты, сверху штаны, жилет, кафтан, на ноги чулки, кожаные кеньги, на руки рукавицы и на голову шапку. Вне зависимости от пола поверх всей одежды было принято надевать *куколь*, длинный белый холщевый балахон с острым верхом, покрывающий голову и плечи покойного. Одежду шили "вперед иголкой" простым швом без узлов, "как плетут бересту". По материалам Пертти Виртаранта, на севере чулки вязали из льна специальной иглой. В Средней Карелии, в Паданах, чулки и специальные тапочки, шили из полотна.

Рот покойного до момента его опускания в могилу, был закрыт белой тряпицей, а сверху, уже после обрядования, когда покойного укладывали на доску в красном углу, его полностью закрывали белым полотнищем, вместе с которым его и хоронили в гробу. Таким образом, лицо покойника было постоянно чем-то закрыто.

В Паданах еще в 1970-1980-е гг. старые женщины считали, что костюм погребаемого должен быть белым. Помимо этого, как особо отмечалось и на севере Карелии, в нем не должно было быть никаких излишеств. В сегозерской Масельге нам рассказывали, что раньше

⁹ Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтническом пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей».

женщинам костыча не надевали, только рубаху, а на голову платок. Местами так же поступали и в Беломорской Карелии. Девушкам косы не заплетали, волосы оставляли под платком свободными. По материалам А. Иванова (1863), повенецкие карелы не надевали на покойного ничего кроме длинной рубахи и кукеля. Многие информанты говорят о том, что смертная одежда должна быть новой, однако, по сведениям Н. Лескова (1890-е годы) южные карелы надевали на покойного поношенную, но чисто выстиранную одежду. Некоторым подтверждением последнего может быть свидетельство из Тверской Карелии конца XIX в. о том, что "одни сохраняют те одежды, в которых венчаются для погребальных одежд, другие – нет".

То же можно сказать и о траурной одежде близких родственников. Траур выражается в том, что женщины носят старую, часто заплатанную, потертую, но чистую одежду темных тонов. Интересно также наблюдение за ижорскими плакальщицами на похоронах. Вместо обычного национального костюма ижорская вопленица середины XIX века носила холщевое некрашеное платье, и голова ее была покрыта холщевым платком. То есть, как замечает У. С. Конкка в книге "Поэзия печали", плакальщица была одета подобно покойнику, в самую архаическую некрашеную одежду.

О кукеле стоит сказать, что подобную защиту головы и плеч во время выжигания пала или на сенокосе (от солнца и насекомых) использовали, вероятно, очень давно. На это, по сведениям А. П. Косменко, указывают некоторые сохранившиеся фрагменты погребальной одежды из могильников XII-XIV веков. Таким образом, "смертная одежда" может быть просто старинной рабочей одеждой или устаревшим "фасоном" ежедневной одежды как таковой.

"Плакальная одежда" невесты. Все основные обрядовые действия на карельской традиционной свадьбе сопровождались причитыванием. С одной оговоркой: в доме невесты, ибо в доме жениха причети уже не было. Собственно говоря, адресатом невестиных плачей были предки ее рода. Это были могущественные силы, способные повлиять на всю жизнедеятельность социума. Именно поэтому обряды отторжения и перехода в стан "чужаков", то есть в семью мужа, должны были быть соблюдены со всей тщательностью. Состояние же пороговости, пребывание в промежуточном времени и пространстве, маркировалось особенностями поведения невесты.

Некоторые описания обряда выявляют интересный факт, а именно закрывание лица в момент причитывания, что было замечено и в случае причитывания по покойнику. Это касается как самой невесты, так и специальной плачеи, приглашенной для совершения обряда.

В Паданах прикрывали свое лицо или головным платком, или краем передника, а в Беломорской Карелии – носовым платком. По свидетельству Н. Лескова, у святозерских людиков после того, как договаривающиеся стороны принимают решение о проведении свадьбы, невеста закрывает полностью голову платком и причитывает перед иконами и перед родителями. В сямозерских деревнях платок, которым закрывали голову и лицо невесты, называли *цјоі*. В Чуралахте рассказывали, что *цјоі* – это платок, верхний угол которого во время плача выворачивали так, чтобы он закрывал лицо.

Еще Э. Лённрот в начале XIX века отмечал, что невеста во время причитывания у беломорских карел "одевается как-то по-особенному". Н. Лесков пишет, что причитывающая невеста одета в будничный наряд, ее волосы распущены и угол платка опущен на лицо. В сямозерских Вешкелицах у этих одежд имелось специальное название – *itkusovat* ("плакальная одежда"). В Беломорской Карелии было традицией в определенные моменты свадьбы сверху на будничный костюм невесты надевать праздничный наряд, который снимали на время причитывания.

В Олонецкой Карелии перед венчанием, после того как заканчивались прощальные плачи, невесте заменяли всю одежду разом. Лесков пишет, что происходило это в клети. Отводя невесту туда, на нее накидывали полог, сшитый из овечьих шкур. На полурасстилали вывернутую шубу или овечью шкуру мехом вверх. Под нее клали топор или косу. Невесту раздевали донага и заменяли всю одежду на праздничную.

Вепсские невесты причитывали в будничной одежде. По описанию Е. Дмитриховской 1902 года, у русских Олонецкой губернии невеста, "ходящая плакать в дома своих родственников, одета в самые старые поношенные одежды, которые называются *рибуши*. Подруги невесты в противоположность ей одеты в свои лучшие костюмы". Из разных севернорусских районов имеются сведения о том, что невеста во время исполнения причитаний была одета в старые, темные одежды и что она скрывала свое лицо. Также ижорская невеста ходила, распустив волосы, в черных одеждах и платке, собственно говоря, в трауре. В свадебных банных плачах сегозерских карел просят мать принести особую одежду: "необычно-странные одежды, в которых не видно швов". Такими же словами в плачах этого района характеризуется одежда покойника.

Участники свадебной церемонии, как и находящиеся в трауре по умершему, были, по карельским народным представлениям, людьми, потерявшими личного духа-охранителя, а потому находившимися в опасности. Они могли быть также опасны для окружающих. Новорожденный и его мать, жених с невестой и их ближайшие родственники, как и

родственники умершего человека, в данный конкретный период их жизни, по крайней мере в течение 6 недель, были открыты для воздействия потусторонних сил. Как показывают приведенные примеры, данное состояние внешне демонстрировалось прежде всего через ношение ритуальных одежд.

Странные одежды святочных ряженных. Раз в год, в зимние Святки, по некоторым карельским поверьям, без духа-охранителя оказывались все люди. Это было время когда старый и новый год сталкивались, а вся окружающая человека вселенная возрождалась вновь. Отсутствие духа-охранителя наиболее явно отражалось в обрядах ряжения, которые касались смены одежд. Из разных местностей Карелии имеются сведения о том, что ряженные надевали белые полотняные одежды, что несомненно напоминало погребальные обычаи. Более того, в некоторых случаях ряженные изображали именно умерших. На севере Беломорской Карелии ряженные иногда носили на головах остроконечные, похожие на кукель, головные уборы. На карельских ряженных -хухельниках или смутах – часто можно было увидеть старую, поношенную рабочую одежду. В Сямозере ряженные могли надеть старые некрашенные холщевые штаны: "будто на пожар собирались", комментировали рассказчики.

Как замечено выше, было обыкновением закрывать лицо покойного и причитывающей невесты, но закрывание лица маской, марлей или тем же вывернутым уголком платка – одно из основных требований к наряду ряженного на Святки. То же можно сказать и о рукавицах: по мнению Е. В. Барсова, имевшие дело с покойником жители Олонецкой губернии надевали на руки рукавицы; невесте их могли надеть на руки во время окучивания, родители жениха могли встречать невесту в рукавицах и т. д. Рукавицы в этих случаях следует воспринимать не столь как защитное средство (хотя оберегающая их функция налицо), сколь как предмет, облегчающий переход в широком смысле (что отражено в представлениях карел о переходе на тот свет).

Следует упомянуть и о роли вывернутой наизнанку шубы или шкуры животного, которая несколько раз может фигурировать в свадебном обряде (или надетой на плечи участников, или расстеленной под ноги невесты или молодых). Вывернутая шуба – широко распространенный атрибут ряженного. Кроме того, на Святки вывернутую шубу часто использовали во время гаданий.

Таким образом, некоторые одеяния ряженных сходны с погребальной и свадебной ритуальной одеждой. Помимо того, сами действия ряженных и показываемые ими театрализованные сценки периодически отсылают к другим обрядам перехода, как, например, разыгрывание ряженными свадебного поезда, в котором, помимо "жениха" и "невесты",

участвуют и другие действующие лица, притом женщины наряжаются мужчинами и наоборот. При этом ряженные могли надеть на себя несколько полотенец или вышитых рубах одновременно (ср. наряд севернокарельской невесты).

Выше говорилось о том, что все упоминаемые переходные обряды были в карельской традиции связаны с представлениями о потере духа-охранителя. В свою очередь, это состояние можно сравнивать с "временной смертью" неофита, которая наиболее характерна для обрядов инициации. Подчеркнем, что переход к новой жизни мог произойти только через состояние, связанное с потерей старого статуса. Из состояния небытия был только один выход: приобретение (собственно – сотворение) нового духа-охранителя и новой судьбы. Помимо сотворения личной доли (гадания во многом были именно теми магическими действиями), ростки новой жизни создавались также через организованные социумом мифологизированные формы групповых театрализованных представлений.

Старое, мохнатое, вывернутое наружу. Все три обозначенные в подзаголовке понятия несут в себе мифологические составляющие, актуализирующиеся на общем фоне того "вечно возвращающегося", по М. Элиаде, правремени хаоса, из которого рождается космос и которое представляет собой, по А. Гуревичу, вечно вращающееся космическое колесо рождения и смерти. "Возвращение к истокам", выражаемое через переодевание в ветхое и старое во всех смыслах этого слова платье, похоже, касается также погребальных и свадебных одежд. Мохнатость же одежд имела непосредственное отношение к общим представлениям о растительности (шкура, шубы, волосы), которая в верованиях многих народов была связана с местонахождением души или духа-охранителя человека. Надетая на тело мохнатая шкура или шерстяные рукавицы способствовали переходу из одного состояния в другое и выполняли охранительные функции именно потому, что способствовали возвращению и удержанию покинувшей человека духовной субстанции.